

Наталья Зими́на

Кошче́ево

Наталья Зими́на

Кошечеево

<https://litres.ru/74664328>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марья пришла в Кошечеево царство не за богатством и не за любовью — за жизнью сестры. Настасья умирает: лекарь сказал — к Полнолунию. И есть только один, кто может не пустить её за порог.

— Она будет жить, — сказал Кощей. — А ты — останешься.

Так Марья оказалась в царстве без времени, где в саду стоят неподвижные люди, а хозяин — человек, который триста лет назад не подал руку тонущему другу и с тех пор не может ни умереть, ни простить себя. У него дворец, сад и все книги мира. И пустая ладонь вместо сердца.

Настасью он спасёт — слово Кощей. А кто спасёт самого Кощей? Марья знает, чему может его научить: останавливаться. И любить — пока есть.

«Кошечеево» — славянское фэнтези о бессмертии как приговоре, о вине, которую нельзя исправить, — и о прощении, которое возможно даже триста лет спустя.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Наталья Зими́на

Кошче́ево

Глава

ГЛАВА 1. СЕСТРА

Настасья умирала к Полнолунию. Так сказал лекарь — старый, седой, с руками, пахнувшими валерианой. Он сказал это не жестоко — устало. Как говорят то, что говорят каждый месяц.

Марья держала сестру за руку. Рука была тонкая — как у птицы. Настасья дышала редко и тихо, как если бы уже примеривалась не дышать.

— Не уходи, — сказала Марья.

— Не ухожу. Просто сплю.

Она не спала. Она умирала — от лихорадки, которая пришла с болот и не уходила ни от отваров, ни от молитв, ни от мокрых тряпок на лбу. Настасья умирала, а Марья сидела рядом и не знала, что делать.

В бабушкиной книге — толстой, кожаной, с закладкой из высушенной травы — была страница, помеченная ногтем. Марья нашла её ночью, когда Настасья уснула (или притворилась).

«В Кошчеевом царстве не умирают».

Семь слов. Ниже — примечание, почерком бабушки, мелким: «Тридешать земель — это не метафора. Это срок. Иди».

Марья закрыла книгу. Открыла. Прочла ещё раз.

Она сидела у постели сестры и смотрела на неё — на бледное лицо, на сухие губы, на руки, которые лежали поверх одеяла, как две белые птицы. Настасья была младше на семь лет. Всю жизнь Марья была старшей. Всю жизнь — решала. Что есть, куда идти, как жить. Теперь — решала: как не дать ей умереть.

За окном — ночь. Свет от свечи падал на страницу. Буквы бабушкиного почерка — крупные, с наклоном, как у человека, который писал для себя, не для типографии. «Тридешать земель — это не метафора. Это срок». Марья знала: бабушка не писала пустого.

Настасья пошевелилась. Губы шевельнулись — беззвучно. Марья наклонилась.

— Что?

— Не уходи.

— Я не ухожу.

Это была ложь. Она собиралась уйти. Но не сейчас. Сейчас она сидела и держала сестру за руку. Руку — тонкую, как у птицы. Как у птицы, которая не летит.

К Полнолунию оставалось двенадцать дней.

Она собрала котомку: хлеб, соль, нож, огниво. Оставила сестре всё тёплое. Поцеловала в лоб — горячий, сухой. На-

стасья не проснулась.

Марья вышла из дома до рассвета. Дверь закрыла тихо — как закрывают дверь, за которой спит человек, который может не проснуться.

ГЛАВА 2. ДОРОГА

Тридевять земель — это не метафора. Это срок.

Марья шла двенадцать дней. Через поля, через леса, через реку (переправилась на плоту, платила солью). Через деревню, где все спали с открытыми глазами. Через лес, где не пели птицы. Через мост, за которым начиналась осень, хотя до этого было лето.

На тринадцатый день она пришла к избушке.

Избушка стояла на курьих ножках — не на двух, на четырёх, как стол. Не поворачивалась. Просто стояла — старая, серая, с окном, в котором горел свет.

Баба-Яга сидела на пороге. Не страшная — усталая. Вязала носок. На больших пальцах — мозоли от спиц.

— Пришла, — сказала Яга. Не вопрос. Констатация.

— Пришла.

— Знаешь, куда идёшь?

— В Кощеево царство.

— Знаешь, что он берёт?

— Что берёт?

— Согласие. Он не берёт силой. Он берёт согласием. Все, кто там — согласились.

— Я не соглашусь.

— Все так говорят. Потом сидят по сто лет и вспоминают, как согласились.

Марья смотрела на Ягу. Яга смотрела на носок.

— Ты его знаешь?

— Знаю. Триста лет знаю. Он не злой. Он — запертый. Как сундук. Снаружи — замок, внутри — темнота. И он сам не помнит, что туда положил.

— Как мне войти?

— Имя оставь у порога. Он не пускает тех, у кого есть имя. Имена — это якоря. Он якорей боится.

Марья кивнула. Пошла дальше. Яга смотрела вслед и вязала.

ГЛАВА 3. ИМЯ У ПОРОГА

Ворота Кощеева царства были не золотые — серые. Камень, гладкий, тёплый на ощупь, как ладонь. Без узоров. Без надписей. Одна ручка — чёрная, железная.

Марья положила руки на камень. Тёплый.

— Я оставляю имя, — сказала она. — Возьмите.

Камень дрогнул. Не сильно — как дышит человек, когда забывает сказать и вспоминает. Ворота открылись.

Марья вошла. За воротами было царство.

Оно было красивым — но не так, как бывает красивым лес или поле. Так, как бывает красивым витрина: всё выставлено, всё горит, всё неподвижно. Птицы сидели на ветках — не спали, не ели, не летали. Сидели. Цветы стояли в бутонах — не раскрывались, не вяли. Стояли. Река текла — но ров-

но, без волн, без пены, как масло.

И люди.

Люди стояли. В садах, на дорогах, у колодцев. Стояли — с открытыми глазами, с полуоткрытыми ртами. Не живые. Не мёртвые. Стоящие. Марья прошла мимо женщины с ведром — женщина не пошевелилась. Прошла мимо старика с клюкой — старик смотрел сквозь неё.

Марья шла по дороге между ними. Дорога была мощёная — камень, гладкий, серый. Идти было легко — как по полу во дворце. Но непривычно: ни колеи, ни грязи, ни травы между камнями. Дорога — стояла, как всё здесь.

Она подошла к женщине с ведром. Женщина была не старая — лет тридцать. Красивая. Глаза — открытые, карие, спокойные. Она не смотрела на Марью. Она не смотрела ни на что. Она — стояла.

— Здравствуй, — сказала Марья.

Женщина не ответила.

— Ты меня слышишь?

Молчание. Не как отказ — как отсутствие. Женщина не молчала — она отсутствовала. Тело было здесь. Человек — нет.

Марья коснулась её плеча. Плечо было тёплое. Не живое — тёплое. Как подоконник на солнце.

Она отдернула руку. Пошла дальше. Мимо старика с клюкой. Мимо ребёнка с мячиком. Мимо солдата с копьём. Все — стояли. Все — тёплые. Все — отсутствующие.

«Сколько они так? — думала Марья. — Год? Десять? Сто?»

Она не знала. Никто не знал. Кроме Кощея. А Кощей не считал.

Марья шла по прямой дороге — между стоящих, между вечных, между красивых и неподвижных. Дорога вела к дворцу. Дворец был серый — как ворота, как камень, как всё в этом царстве. Тёплый на вид.

У дверей дворца стоял он.

Кощей.

Он не был страшным. Он был — как Яга сказала: сундук. Высокий, серый, с лицом, на котором ничего не отражалось. Глаза — тёмные, без дна. Руки — в перчатках. Чёрных.

— Пришла, — сказал Кощей. Не вопрос.

— Пришла.

— Зачем?

— Сестра умирает. В вашем царстве не умирают.

— Не умирают, — согласился Кощей. — Не умирают. Не живут. Стоят.

— Я знаю.

— Что же ты пришла, если знаешь?

— Потому что моя сестра стоит двенадцать дней как не дышит. А у вас — хоть стоит.

Кощей посмотрел на неё. Долго. Как смотрят на вещь, которую не видели давно.

— Все так говорят. Потом просят отпустить. Я не отпускаю не потому что жесток. Потому что не могу.

— Я не прошу отпустить. Я прошу пустить.

Кощей молчал. Потом отступил в сторону — на шаг. Освободил дверь.

Марья вошла во дворец.

ГЛАВА 4. КОЩЕЙ

Дворец внутри был не дворец — библиотека. Книги от пола до потолка, три яруса, лестницы, переходы, свет — ровный, тёплый, ниоткуда.

Кощей вёл её по коридору. Молчал. Марья шла за ним — тоже молчала. Ботинки стучали по камню. Его шаги — не стучали. Как будто он не шёл, а перемещался.

— Здесь триста лет никто не ходил, — сказал он.

— А ты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.